

Л.А. Романова, А.А. Антонов-Овсеенко

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь
Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, г. Москва*

L.A. Romanova, A.A. Antonov-Ovseenko

*Tver State Agricultural Academy, Tver
Moscow Humanitarian Institute, Moscow*

ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ И СТИЛИСТИКА ПУБЛИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ В КАНУН ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

CONTENT'S MOVEMENT AND ANNOUNCEMENT'S STYLISTICS OF RUSSIAN PRESS ON THE EVE OF FEBRUARY REVOLUTION 1917 Y.

*Ключевые слова: периодическая печать, цензура, содержательное
лицо, стилистика, публикации*

*Keywords: periodical press, censorship, content face, stylistics,
announcements*

Вопросами цензуры периодической печати в целом и воздействия на политическую позицию изданий царское правительство озаботилось задолго до революционных событий 1917 г.: принятый в 1890 г. Устав о цензуре и печати был уже четвертым по счету; в 1865 г. в составе Министерства внутренних дел был создан специальный государственный регулятор - Главное управление по делам печати. При этом Устав от 1890 г. был далеко не единственным документом, которым руководствовалось государство во взаимоотношениях с прессой, а Главное управление по делам печати - не единственным учреждением, регулировавшим эти взаимоотношения на практике. Целый комплекс других документов, таких, как Временные правила о повременных изданиях от 1905 г., а также поправки, систематически вносившиеся в Уголовное уложение, дополняли Устав и регулировали положение печати в дальнейшем. С началом Первой мировой войны в 1914 г. вступило в силу Временное положение о военной цензуре. Но именно текст Устава от 1890 г. оставался базовым для всех последующих документов вплоть до Февральской революции 1917 г.: его положениями руководствовались цензоры в своей повседневной практике вплоть до 1917 г., а некоторые отдельные статьи этого документа сохранили актуальность и в более поздние времена.

Официальными полномочиями в реализации нормативных документов по вопросам печати располагало Главное управление по делам печати, однако вмешиваться в процесс формирования содержательного наполнения изданий не брезговали и другие департаменты МВД, а также государственные чиновники высокого ранга и члены царской семьи, включая самого российского самодержца. В различных современных исследованиях взаимодействия самодержавия и периодической печати, в частности у

Б.И. Есина, отмечается, что не только накануне революционных событий 1917 г., но и гораздо ранее со стороны правительства и самой царской фамилии предпринимались масштабные усилия для формирования «нужного» общественного мнения с помощью газет и журналов. Такие издания субсидировались не только из государственных средств, но и из личных доходов членов царской семьи: например, вел. кн. Сергей Александрович в 1896 г. выдал 35 тыс. руб. редактору «Русского слова» (здесь и далее вторые слова в названиях российских изданий даны со **строчных** букв в собственном тексте автора статьи, с **прописных** – в цитатах по оригиналу, в соответствии с традицией их написания в рассматриваемый период) А.А. Александрову при организации газеты, после чего сам царь также выдал Александрову аналогичную сумму. В XIX в. правительство систематически субсидировало официозные издания и большинство газет для так называемого «народного чтения» - «Народный листок», «Мирской вестник», «Сельская беседа» и др. (Есин, 2009: 82). Изначально работой по формированию нужного для правительства общественного мнения через посредство печатной прессы были заняты подразделения Министерства внутренних дел - чиновники III отделения, а затем Главное управление по делам печати, осуществлявшее цензорские функции в масштабах империи. Именно при МВД с 1880-х годов XIX в. был организован и специальный денежный фонд, объем которого к 1916 г. достиг 1.700.000 руб.: на средства этого фонда правительство снабжало деньгами издания и стимулировало публичную деятельность политиков правого толка (Есин, 2009: 84).

В том, что касается воздействия на содержание периодических изданий нормативно-правовой базы, обращают на себя внимание те положения Устава 1890 г., которыми было предопределено *отсутствие в публикациях газет и журналов* целого перечня определенных тематик. Так, цензурному запрету подвергались следующие произведения словесности, наук и искусств: когда в них содержалось что-либо клонившееся «к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов, или вообще истин и догматов христианской веры»; когда в них содержалось что-либо нарушавшее «неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уважение к Императорскому Дому, и что-либо противное коренным государственным постановлениям [прописные буквы даны в соответствии с оригиналом – прим. авт. статьи]»; когда в них оскорблялись «добрые нравы и благопристойность», а также «честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветою» (Устав о цензуре и печати, 1890: 2). То есть Уставом было заранее обусловлено полное отсутствие какой-либо критики в адрес православия и царствующего дома, а нарочитая абстрактность положений, которые содержали термины о «добрых нравах и благопристойности», предоставляли государству самые широкие возможности для произвольного толкования направленности публикаций любого издания. По мнению составителей Устава, эти его положения и составляли, собственно, основы нравственности российского

общества. И если, например, произведения, в которых кто-либо намеренно стремился бы поколебать православие, вряд ли могли быть подготовленными к публикации в самой России, то пункт 2 перечня – о «неприкосновенности Верховной Самодержавной Власти» - не оставляет сомнений в том, ради, чего, собственно, был подготовлен Устав в целом. В дальнейшем тексте Устава, в ст. 73 в частности, подробно разъяснено – насколько широко должно было распространяться действие этой «неприкосновенности»: «Сочинения и статьи, как оригинальные, так и переводные, в коих описываются личные действия или излагаются изустные выражения Государя императора и прочих Особ императорской фамилии, или же приводятся обращенные к ним речи, а также статьи, содержащие в себе рассказы и суждения, до высочайших особ относящиеся, во всех без исключения изданиях, повременных и других, печатаются не иначе, как с разрешения Министра императорского двора» (Устав о цензуре и печати, 1890: 12). Кроме того, в ст. 93 Устава предписывалось «не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной власти и ее атрибутов, уважение к особам Царствующего дома, непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого» (Устав о цензуре и печати, 1890: 14).

Из статей Устава, касающихся вопросов освещения жизни царских особ, становится среди прочего очевидным, что для периодических изданий даже простое упоминание членов императорской семьи становилось практически затруднительным, поскольку сношение в каждом таком случае с министром двора требовало отдельных затрат времени, не совместимых с обеспечением периодичности, что вряд ли возможно отнести к условиям, обеспечивавшим полноценную свободу печати.

Между тем и сам стиль изложения общих и частных положений Устава представляется примечательным. С одной стороны, многие статьи Устава звучат чересчур декларативно, апеллируя к слишком общим понятиям о нравственности, как например ст. 94: «Цензура обязана отличать благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрований, равно противных истинной вере и истинному любомудрию» (Устав о цензуре и печати, 1890: 15). С другой стороны, некоторые конкретные положения не оставляли сомнений современникам в том, откуда исходила настоящая угроза российской государственности, как например ст. 95 и 96, в которых говорилось о том, что «не следует допускать к печати сочинений и статей, излагающих *вредные учения социализма и коммунизма*, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии (выделено - авт. статьи)», Уставом также не допускались к печати статьи: «1) в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому; 2) в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы» (Устав о цензуре и печати, 1890: 15).

В то же время наряду с ограничивавшими свободу печати положениями в Уставе от 1890 г., как это видно из приведенных частей, были заложены и требования уважительного отношения к правам отдельной личности, неприкосновенности частной жизни, а также к тому, чтобы исключить возможность возбуждения сословной розни.

Однако несмотря на воздействие нормативно-правовой базы, регулировавшей вопросы печати, содержательное «лицо» российской прессы постоянно менялось в целом в течение периода, предшествовавшего революционному 1917 г. Наиболее отчетливо эта динамика проявлялась в том, как печатные издания высказывались в адрес самодержавия. Рассмотрим эти изменения на примере публикаций газет «Утро России» (орган прогрессистов), «Речь» (орган кадетов) и «Русское слово» (беспартийное издание И.Д. Сытина) в мае 1914 г., мае 1915 г. и декабре 1916 г.

Так, в заметке «Осмотр хуторских хозяйств» газеты «Утро России» в мае 1914 г. с подобающим случаю почтением подробно сообщалось о том, как «Его Величество Государь Император изволил выехать из Ливадии по направлению к Симферополю и у выселок из деревни Саблы остановиться для ознакомления с условиями хуторского расселения в Таврической губернии. Встреченный губернатором, Государь Император изволил принять хлеб-соль от депутации хуторян и выслушать их приветствие, после чего подробно осмотрел два хутора, посетив их хозяев, и ознакомился с их хозяйствами, причем объяснения давали уполномоченный южного района Голубниченко и неперемный член губернской землеустроительной комиссии Шлейфер. Пробыв на хуторах свыше часа, Его Величество изволил далее проследовать на Симферополь, куда прибыл около 11 часов утра, и при въезде в город был встречен депутациями от дворянства и земства... Обойдя их, а равно представителей войск и гражданских установлений, Государь Император изволил отбыть, приветствуемый войсками и учащимися учебных заведений, стоявших шпалерами, и народом» (Утро России, 01.05, 1914).

В то время, в 1914 и в 1915 гг., в газетах «Речь» и «Русское слово», как и в «Утре России», сохранялся подчеркнуто верноподданнический тон публикаций о деятельности царя. При этом на сложившуюся традицию использования такой стилистики влияли в течение длительного времени, а именно с 1890 г., те положения Устава о цензуре и печати, в которых говорилось о обязательном согласовании всех публикаций о царской семье с министерством двора для столичных изданий и с местными органами власти – для газет, выходивших в провинции. В некоторых публикациях это подтверждалось напрямую – через ссылку на согласование публикуемых сведений с соответствующим представителем власти. Так, «Утро России» в номере от 15 мая 1915 г. сообщало в заметке с характерно почтительным заголовком «Возвращение Государя Императора»: «Его Величество Государь Император 14 сего мая изволил возвратиться из действующей армии в Царское Село. Подписал министр Императорского Двора генерал-адъютант гр. *Фредерикс*» (Утро России, 15.05, 1915). Кроме того, в заметке «Закладка часовни», опубликованной под рубрикой «Известия из России» в том же

номере газеты «Утро России», сообщалось, что в Казани «торжественно совершена закладка часовни на могиле митрополита Ефрема, помазавшего на царство 302 года тому назад Михаила Федоровича, первого царя из Дома Романовых», а после закладки «многочисленным духовенством с 3 архиереями во главе совершено всенародное молебствие, при этом пел хор в 1000 человек» (Утро России, 15.05, 1915) и т.д.

Таким образом, и год спустя, несмотря на тяготы войны, газеты продолжали соблюдать стилистический этикет, предписанный цензурным уставом еще прошлого века - при том, что исходя из содержания сообщений газеты фактически отражали и естественное уважение к царствовавшему дому в самом российском обществе.

В течение 1915 г. кадетская «Речь», в частности, уделяла место для публикации «высочайших рескриптов», один из которых, в номере от 6 мая, был адресован преосвященному митрополиту петроградскому Владимиру в следующих выражениях: «Ревностное святительское служение ваше во всех преемственно вверяемых вашему управлению епархиях всегда проникнуто было глубокою преданностью исконным заветам русской православно-церковной жизни, исполнено неослабными заботами о возвышении религиозно-нравственного состояния православной паствы и ознаменовано многоплодными трудами по устройству просветительно-миссионерских учреждений... Особое же внимание Мое останавливают ревностные и неутомимые труды ваши в деле борьбы с пьянством» (Речь, 06.05, 1915) и т. д., и т. п.

В мае 1915 г. «Русское слово» в приличествующем случае тоне сообщало об избрании верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича почетным членом Академии наук, улучшении материального положения почтово-телеграфных служащих, оборудовании Союзом городов бань на передовой, публиковала отказ московского уездного воинского начальника в отсрочке от призыва занятых на производстве рабочих и служащих; подробными были отчеты о положении на фронтах (Русское слово, 03.05, 1915).

Совершенно иным предстает содержание газет в канун революционных событий 1917 г. Так, «Утро России» в обзоре, посвященном запросу министра финансов на новое расширение эмиссионного права Госбанка, опубликованном в номере от 11 декабря 1916 г., с сожалением сообщало: «Он [министр финансов – прим. авт. статьи] предполагает выпустить еще на три миллиарда бумажных денег... Становится холодно при мысли о том, чего требует от человечества эта война, и какое «движение ценностей» она вызывает. Я говорю «движение» потому, что не следует думать, что эти ценности исчезают куда-то бесследно. Исчезает только часть их, та, что расстреливается из пушек, та, что уходит с изнашиванием машин, орудий, одежды, превышающим обычное изнашивание. Большая часть остается, лишь переходит из одних рук в другие, вызывая громадные социальные изменения» (Ардов, 1916: 5). Попутно в этих комментариях к миллиардным эмиссиям Госбанка «Утро России» обнаруживало очевидную

осведомленность о мельчайших подробностях государственных военных трат, - осведомленность, происходившую от принадлежности газеты отечественному финансово-промышленному истеблишменту, поскольку ее изданием руководил представитель известного предпринимательского рода П.П. Рябушинский. «Всех тяжелее – если не считать Турции – будет нам, которым приходится выбрасывать за границу по заказам на снаряжение, т.е. как раз на то, что изнашивается и расстреливается, неслыханные количества... «единиц» труда русских людей... Жутко думать об этой реке миллиардов, текущей в Новый Свет и в Японию, где идет какое-то фантастическое обогащение и создается новый класс мультимиллионеров и даже миллиардеров, и где простой слух, что Россия может принять германское предложение мира, вызвал на бирже панику» (Ардов, 1916: 5). - разъясняло происходящее «Утро России», переходя от простого сожаления к обличению, обращенному уже непосредственно к существующему государственному строю, когда указывало на причины, побудившие русское правительство размещать миллиардные заказы за рубежом: «Все это – расплата за гордое пренебрежение к отечественной промышленности и за многое другое... Следствием этого будет новое понижение курса рубля, курса международного и особенно «внутреннего», и новое усиление дороговизны, так как заработок значительной части населения не может сразу поспеть за возросшей ценой продукта или вещи, т.е. реальной ценности» (Ардов, 1916: 5). «В этом виновато не население России, - заключало «Утро России», - экономические и моральные законы незыблемы даже во время войн. Чтобы это перестало быть так – нужно, чтобы изменилось что-то в системе государства, - чтобы ценности, которые оно дает, стали действительными ценностями» (Ардов, 1916: 5).

В обличительном тоне – в адрес самодержавия - были выдержаны и публикации «Утра России», посвященные убийству Григория Распутина. В заметке «Прорубь» автор адресовал правительству совсем уже гневные строки: «Да ведь это же он, дух этот, дух эпохи, этот самый режим византийский лежит там на холодной груди Невы, столько уже унесшей тайн и крови, это он брошен там теми, кто это совершил, чтобы она унесла его с глаз долой. И пусть так и будет. Пусть он исчезнет» (Утро России, 20.12, 1916).

Совершенно исчезали по мере приближения к Февральской революции 1917 г. какие-либо намеки на былую почтительность в адрес самодержавия в целом и адептов царского правительства, в частности, в других изданиях. Так, кадетская «Речь» в декабре 1916 г. в обзоре печати откровенно смаковала подробности нападок на одиозную фигуру министра А.Д. Протопопова: «Новое время» замечает, что «кажется, началась неделя о Протопопове». Приводя опровержения П.Н. Милюкова, напечатанные в «Речи» по поводу заявлений А.Д. Протопопова о его стокгольмской беседе, газета заключает вопросом: Как же сочетает вчерашнее заявление г. Протопопова «с ведома и по просьбе посланника» с его же словами, произнесенными в присутствии свидетеля: «без ведома посланника, не

предупредив его»? Впрочем, может быть газетная полемика не может выяснить истины среди этих взаимоисключающих крайностей, и вопрос «как объяснить?» надо передать на решение докторов, специалистов по исследованию таких запутанных явлений? Всего удивительнее, что вопросы эти приходится решать еще во время пребывания А.Д. Протопопова в должности министра внутренних дел» (Речь, 01.12, 1916).

Более отстраненную, чем, например, кадетская «Речь», позицию в отношении критики самодержавия занимала газета «Русское слово», предпочитая высказываться опосредованно, да и то лишь в адрес крайне правых организаций: именно эта позиция нахождения «над схваткой», выработанная с самого начала В.М. Дорошевичем и строго соблюдавшаяся им, наряду с информированностью и общим высоким качеством публикаций обеспечивала газете «Русское слово» не только громадную популярность, но и самые высокие тиражи (в 1917 г. зафиксирован тираж этой газеты в 1 200 000 экз.)

Непосредственно в канун Февральской революции Департамент полиции продолжал активные попытки формирования общественного мнения в «нужном» для самодержавия направлении, причем использовавшиеся для этого средства, хотя в итоге и оказавшиеся бесполезными, становились все более изощренными. В сентябре 1916 г. управляющим царского МВД был назначен бывший заместитель председателя Госдумы октябрист А.Д. Протопопов, проявивший персональную активность в направлении периодической печати: помимо остававшейся на попечении этого ведомства и открыто выражавшей поддержку режиму газеты «Сельский вестник», А.Д. Протопопов затеял выпуск еще одной проправительственной газеты - «Русская воля».

В донесении из Парижа № 1242 от 11(24) декабря 1916 г. агента Мельникова, под грифом «Совершенно секретно», на имя директора Департамента полиции МВД (находится на хранении в Государственном архиве РФ в деле Департамента полиции МВД «О газете «Русская воля») в числе прочего сказано: «В № 49-ом издающейся в Париже газеты «Начало», представленном Вашему Превосходительству при донесении за № 1188, помещена заметка о принятии бывшим членом Государственной думы Григорием Алексеевым Алексинским предложения Амфитеатрова участвовать в организованной Господином Министром Внутренних Дел демократической газете «Русская Воля» (Донесение, 1916: Л. 4). Упомянутым же в донесении министром и был назначенный с 16 сентября 1916 г. управляющим (до этого дня пост министра внутренних дел занимал А.А. Хвостов), а с 20 декабря 1916 г. и вплоть до Февральской революции 1917 г. полноценным главой ведомства бывший товарищ (заместитель) председателя Госдумы А.Д. Протопопов.

Приведенное донесение от 11(24) декабря 1916 г. агента Мельникова примечательно и тем, что с предложением о сотрудничестве в газете А.Д. Протопопова «Русская воля» к экс депутату Госдумы Г.А. Алексинскому обратился известный писатель и публицист

А.В. Амфитеатров, получивший особенно широкую известность после того, как опубликовал в номере газеты «Россия» от 13 января 1902 г. первую часть знаменитого фельетона «Господа Обмановы», в образе которых вывел членов царской семьи: газету тогда закрыли, а самого Амфитеатрова сослали в Минусинск (Есин, 2009: 422). Оказавшись в итоге в эмиграции за границей, и вернувшись оттуда только что, в 1916 г., писатель получил приглашение к сотрудничеству в новой газете и принялся поначалу энергично помогать новому министру в ее издании. А.Д. Протопопов, в свою очередь, рассчитывал на получение благосклонного внимания общественности к своей газете именно за счет привлечения к руководству человека с ореолом мученика, каким был ссыльный писатель А.В. Амфитеатров. Но в дальнейшем А.В. Амфитеатров - скорее всего неожиданно для А.Д. Протопопова - сформировал критический по отношению к самодержавию характер газеты «Русская воля», за что в начале 1917 г. был вновь выслан, теперь уже в Иркутск, однако не успев достичь места ссылки, был освобожден Февральской революцией.

Успел ли понять министр А.Д.Протопопов, какой серьезной ошибкой стало создание им газеты, – поскольку задуманное для поддержания строя издание очень скоро перешло на сторону оппозиции вне зависимости от воли ее создателя, – не известно. Публикации газеты по мере приближения к Февральской революции приобретали откровенно антиправительственный характер - несмотря на источник финансирования и стратегическое руководство газетой, осуществлявшееся А.Д. Протопоповым. Так, в помеченной грифом «Совершенно секретно» записке Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице на имя директора Департамента полиции № 72 от 15 февраля 1917 г., то есть всего за две недели до Февральской революции, газета «Русская воля» отнесена к «левой оппозиционной печати»: записку предваряет обращение к директору Департамента полиции главы упомянутого отделения со словами: «При сем имею честь представить Вашему Превосходительству на 2-х полулистах секретную агентурную записку о направлении левой оппозиционной печати, помещающей преступный агитационный материал на своих страницах независимо и в обход от «усиленной особой цензуры военного времени», а в самой записке речь идет непосредственно о публикациях газеты «Русская воля»: «При внимательном и систематическом просмотре органов повседневной левой и оппозиционной печати за последнее время особенно резко и характерно обращает на себя внимание то обстоятельство, что названные органы, помимо сугубо бдительно просматривающихся строгой цензурой деловых и ответственных «передовиц», заполнены сплошь и рядом и другим, на первый взгляд как бы «второстепенным» материалом, чуть ли не до последней строчки пропитанным обычной для левой прессы тенденциозностью, граничащей порою с направлением до нельзя крайним и даже просто «преступным». Возьмем, например, «Русскую Волю», воскресенье 22-го января (№ 21). Есть в этой газете отдел «На местах», который, казалось бы, представляет собою лишь обычные провинциальные

корреспонденции. Однако же, взглядыываясь в «корреспонденции» ближе, немедленно же натыкаешься на... политический пасквиль. Г. Амфитеатров, руководитель «Русской Воли», бывший эмигрант, только что отбывший 12 лет заграничной высылки за пасквиль по Высокому адресу (в закрытой тогда же газете «Россия»), и по возвращении – пропускает в «Русской Воле» снова пасквили не менее гнусного свойства» (Записка, 1916: Л. 7,8,10,11).

Далее в записке речь идет о корреспонденции «Русской воли» под заголовком «Обилие зверей», в которой автор эзоповым языком выступает с критикой различных составляющих самодержавия, а докладчик из Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице возмущенно вчитывается в публикацию: «Зайцы попадают матерые, большие, чуть ли не с верблюда. Отсюда и пословица: заяц беги, не то подкуют под верблюда»... «Пословица», сколько известно, гласит иначе: «Арестуют – а потом доказывай, что ты не верблюд, а заяц». «Лисицы в мохнатой шерсти». «Пугают петли, исповедуют»... священники в России. «Волки – особенно жадные. Есть черные, (есть) почти голубые, вроде голубых песцов». Голубой, - ясно, - цвет мундира: «Эти особенно свирепы, делают набеги по ночам»... Политические обыски... Дальше еще лучше: «Небывалое обилие зверей объясняется отсутствием «охотников», которые временно – на фронте, вместе с ружьями, а также недостатком пороха и дроби у остального населения». Значит, если бы был порох (далее: «хотя и говорят, что есть еще порох в пороховницах») и дробь... Или, - значит, - когда войска вернутся с фронта «вместе с ружьями», - что они, стрелять, что ли будут немедленно в «волков» и т.д.? И не подстрекательство ли это?» (Записка, 1916: Л. 7,8,10,11).

Характерно, что безымянный автор записки несколько раз возвращается к личной характеристике главы издания, как он это делает и после критического анализа корреспонденции «Обилие зверей»: «А. Амфитеатров, давший крайний пасквиль по Высокому адресу 12 лет назад, теперь начинает со сравнительно мелких пасквилей. Надо ли дожидаться, чтобы он снова перешел к пасквилям – крупным? Для чего у нас, - позволительно спросить, - существует цензура? Амфитеатров-то гарантирован вероятно «неустойкой» (с издательством) и на случай закрытия газеты. Но, ведь, он и его сотрудники хохочут, издеваются над властью: «Как мы их»... «Недурно»... А читатель читает» (Записка, 1916: Л. 7,8,10,11).

Далее в записке следует анализ другой публикации «Русской воли», под заголовком «Маленький фельетон», после чего автор обращает внимание на завуалированную, но оттого не менее оскорбительную критику высшего руководства МВД, чем, кажется, намеренно подталкивает это руководство к принятию «соответствующих» мер: «Особенно «достаётся» в каждом левом фельетоне всякому наличному Министру Внутренних Дел... В первой половине этого же фельетона («Где зарыта собака») – прямое издевательство над семейным несчастьем Министра (болезнь внучки А.Д. Протопопова)» (ГА РФ, Записка, 1916: 7,8,10,11).

Анализ содержания публикаций, подобных тем, которые приведены в полицейском донесении, позволяет утверждать, что автор намеренно использовал эзопов язык в качестве инструмента иносказания, маскировавшего настоящие мысли. Будучи рабом, баснописец Эзоп, как известно, стал родоначальником этого приема: писатель Амфитеатров в точности, как и Эзоп, придавал облик зверей реальным действующим лицам политической арены того времени – именно в расчете на то, что любой более или менее образованный человек угадает настоящую мысль.

Таким образом можно утверждать, что нормативно-правовая база и надзорная практика государственных регуляторов вопросов печати самым непосредственным образом совокупно *воздействовали на динамику содержательного лица и стилистику публикаций газет рассматриваемого периода.*

Литература

1. Ардов Т. Векселя государства // Утро России. – 1916. - № 345. - 11 декабря. - С. 5.
2. Б/п. Осмотр хуторских хозяйств // Утро России. – 1914. - № 100. - 1 мая. - С. 3.
3. Б/п. Высочайшие рескрипты // Речь. – 1915. - 123 (3146). - 6 (19) мая. - С. 3.
4. Б/п. Прорубь // Утро России. – 1916. - № 354. - 20 декабря. - С. 2.
5. Б/п. Печать // Речь. – 1916. - № 331 (3714). - 1 (14) декабря. - С. 2.
6. Все статьи // Русское слово. – 1915. - № 100. – 3 мая. – С. 2 - 3.
7. Донесение «Совершенно секретно» на имя директора Департамента полиции МВД из Парижа № 1242 от 11(24) декабря 1916 г. заведующего заграничной агентурой Мельникова. – ГА РФ. Ф. 102, ОО ДП. – Оп. 1916. – Д. 56. – Т. 3. – Л. 4.
8. Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917): уч.-метод. компл. – М.: Флинта. Наука, 2009. – 464 с.
9. Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице «Совершенно секретно» на имя директора Департамента полиции № 72 от 15 февраля 1917 г. – ГА РФ. Ф. 102, ОО ДП. – Оп. 1916. – Д. 56. – Т. 3. – Л. 7-7-об, 8, 10, 11.
10. Устав о цензуре и печати // Свод законов Российской империи. Т. 14. – СПб.: Издание кодификационного отдела при Государственном совете, 1890. – С. 1-46 (внутр. нумерация).

References

1. Ardov T. Bills of the state // Morning of Russia. – 1916. – № 345. – December 11. – p. 5.
2. W/s. Inspection of farmsteads // Morning of Russia. – 1914. – № 100. – May 1. – p. 3.
3. W/s. Imperial prescripts // Speech. – 1915. – 123 (3146). – 6 (19) May. – p. 3.

4. W/s. Hole // Morning of Russia. – 1916. – № 354. – December 20. – p. 2.
5. W/s. Printing // Speech. – 1916. – № 331 (3714). – 1 (14) of December. – p. 2.
6. All articles // Russian word. – 1915. – № 100. – May 3. – p. 2 - 3.
7. Report "Top Secret" to the Director of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs from Paris № 1242 of December 11 (24) 1916 of the head of the foreign agents Melnikov. – GA RF. F. 102 GS PD. – Op. 1916. – D 56. – Vol. 3. – p. 4.
8. Esin B.I. History of Russian journalism (1703-1917): Teaching kit – M. Flinta. Science, 2009. – 464 p.
9. Note of the Office for the guarding of public safety and order in the capital, "Top Secret" to the Director of the Police Department № 72 of February 15, 1917. – GA RF. F. 102 GS PD. – Op. 1916. – D 56. – Vol. 3. – p. 7-7 back, 8, 10, 11.
10. Charter of censorship and press // Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 14. - St. Petersburg.: Edition of the codification department under the State Council, 1890. – p. 1-46 (internal numbering).

(0,6 п.л.)